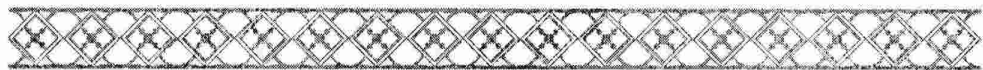

Густав
Богуславский

100
ОЧЕРКОВ
О ПЕТЕРБУРГЕ

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА
ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Москва – Санкт-Петербург
ЦЕНТРОЛИГРАФ
Русская тройка-СПб

Загадки Стокгольмской коллекции

Сравнительно недавно король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия были гостями нашего города. Многие связывают Петербург с северным соседом, многое свидетельствует о неистощимом взаимном интересе и глубоко взаимном уважении, неизменно проявлявшемся даже в годы военных конфликтов.

Предлагаемый очерк посвящается одной из самых замечательных коллекций, посвященных Петербургу, — коллекции, хранящейся в Национальном музее в Стокгольме.

Коллекция эта, насчитывающая около полутысячи чертежей и рисунков зданий Петербурга, Москвы, Киева, Твери, Тулы и Митавы, называется «Стокгольмской коллекцией» — по ее местопребыванию, так и «коллекцией Берхгольца» — по имени ее собирателя и первого владельца.

И тут же начинаются загадки: неизвестно, когда, как и почему эти уникальные изображения городов Российской империи оказались в шведской столице, где Берхголец никогда не жил. Есть, правда, предположение, что последние годы жизни он получал от шведского короля пенсию, за которую «расплатился» своей бесценной коллекцией. Известно лишь, что коллекцию обнаружили в составе музейного собрания в 1790 году, а впервые описали лишь в 1863.

Однако, серьезное ее изучение начинается лишь во второй половине XX века и связано с именем, поисками и находками замечательного шведского историка и искусствоведа Бьерна Хельстрема. А в 1963 году коллекция эта полностью экспонировалась в Ленинграде, в Растреллиевской галерее Государственного Эрмитажа.

Ничего не знаем мы и о том, как эта коллекция создавалась — кто и где копировал (а это, безусловно, копии) чертежи, оригиналы которых до нас не дошли. Непонятна и связь между тремя с лишним сотнями посвященных Петербургу чертежей «коллекции Берхгольца» и 29 чертежами, хранящимися в фондах Эрмитажа; они ранее хранились в Придворной конторе, откуда еще в 1838 году были переданы в Эрмитаж. Совпадают изображенные на чертежах из обеих коллекций объекты российской столицы, характер бумаги, почерк, которым сделаны пояснительные надписи (иногда весьма подробные) на чертежах, и само содержание надписей.

И в то же время чертежи из обеих коллекций многим различаются. Стокгольмские исполнены профессионально, тушью и акварелью; в исполнении их чувствуется рука, привыкшая к такой работе. Эрмитажные — карандашные, скорее напоминают любительские наброски; они не только меньших размеров, но и лишены многих архитектурных подробностей, декоративных деталей, которые мы видим на стокгольмских листах. Но надписи на тех и на других почти совпадают и сделаны одной рукой...

Вряд ли когда-нибудь мы сможем все это разгадать. Но есть главное — сама коллекция, дающая, как никакой другой материал, полное представление о Петербурге, каким он был к началу 1740-х годов, когда на российский престол взошла Елизавета Петровна. И перед нами в удивительных, впечатляющих подробностях раскрывается сложившийся всего лишь за четыре десятилетия

Ф.-В. Берхгольц

облик, архитектурная среда Петербурга, уже получившего признание как прекрасная европейская столица.

Петербургу посвящена основная часть коллекции — 253 чертежа, а некоторые состоят из нескольких листов, представляя панораму застройки части улицы или набережной. Одна из таких «панорам», изображающая Невскую набережную, имеет общую длину 5,5 м; 34 объекта находим мы на ней. Другая, длиной в 1,5 м, изображает 8 домов. И поэтому общее число листов коллекции — 306 — значительно больше числа сюжетов этих чертежей, а общее число изображенных зданий Петербурга составляет 331...

Каждое здание изображено не только в масштабе, но и с точным соблюдением всех деталей архитектурного облика: колонны, крыльца, наличники окон, форма кровли, печные трубы, декоративные украшения фасада. И ни одной лишней подробности, не относящейся к архитектуре. Это не художественный образ Петербурга, а его «документальный портрет» — и детали этого «портрета» в точности совпадают с тем, о чем рассказывают сохранившиеся в наших архивах документы.

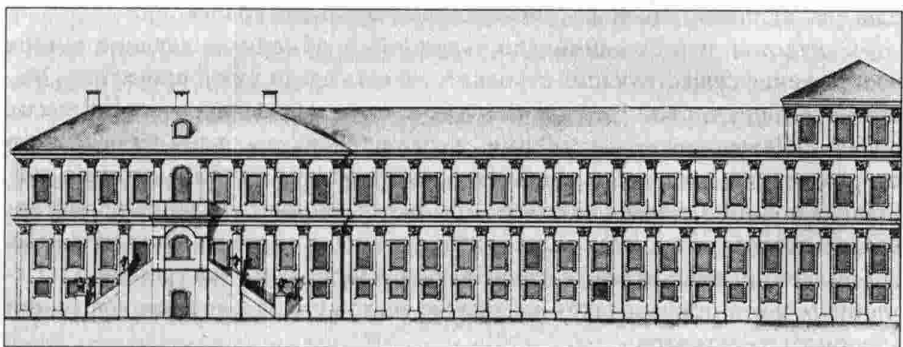
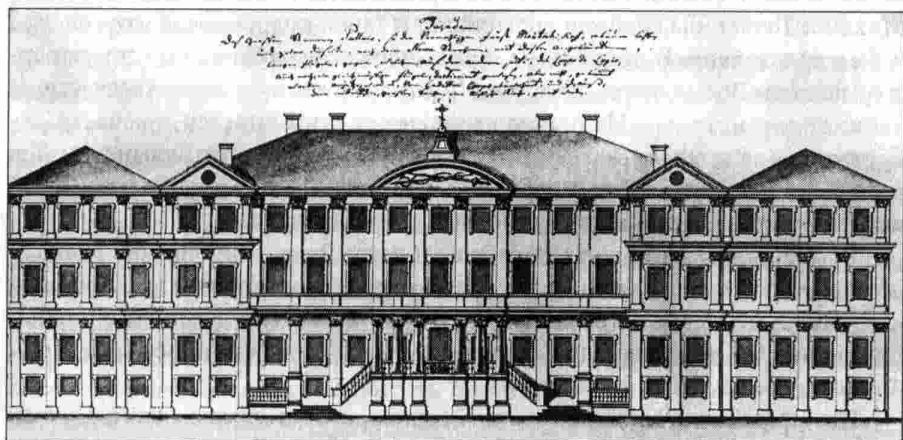
По значительности и полноте коллекция эта, вплотную, кстати, «примыкающая» к плану Зихгейма, о котором мы совсем недавно рассказывали, представляет собой первое реальное, «фотографически» точное изображение большинства зданий тогдашнего петербургского центра. И значение «коллекции Берхгольца» для истории нашего города — огромно.

На чертежах мы видим почти все части тогдашнего города. Но если из построек на Выборгской стороне представлен только архитектурный комплекс госпиталя, а на Петербургском острове — только «домик Петра», Троицкая церковь и застройка невской набережной, то Васильевский остров изображен более подробно — ему посвящен 31 чертеж.

Главное же — левобережная часть города, именовавшаяся Адмиралтейским островом. Застройка набережных Невы и Мойки и некоторых улиц, например, Миллионной, Конюшенной, будущего Невского проспекта, представлены с исчерпывающей полнотой. Летнему саду посвящены 11 чертежей, а Летнему дворцу — 15 (столько же комплексу Императорских конюшен). На чертежах мы видим и еще не завершённое строительство Аничков дворец (таких чертежей 7), и «третий» Зимний, построенный для Анны Иоанновны, и «Оперный дом» на интенсивно застраивавшемся в эти

годы Невском. Застройку Миллионной изображают 14 чертежей, Большой Морской — 10.

Чертежи представляют нам первоначальный облик дошедших до нас ранних петербургских храмов — Пантелеймона, Симеона и Анны и «портреты» тех, что были позднее перестроены, например Казанской и Исаакиевской.

Чертежи из коллекции Берхгольца.
Набережная Невы от Стрелки Васильевского острова. Фрагменты

Подробно изображены особняки и дома многих частных лиц — не только известных деятелей и вельмож (Миниха, Шереметева, Воронцова, Олсуфьева, Черкасова, Строганова, Трубецкого и других), но и купцов.

Подробно представлены в коллекции и пригороды столицы: Петергоф (14 чертежей), Ораниенбаум, Царское Село, Стрельна, Екатерингоф, Гостилицы.

Таков в самых общих, «анкетных» рамках состав коллекции, хранящейся в стокгольмском Национальном музее. В ней исключительный интерес представляет не только графическая часть чертежей, а она бесценна, но и сделанные Берхгольцем на каждом чертеже пояснительные надписи на немецком языке, многие из которых содержат чрезвычайно интересные подробности. В надписях этих как бы запечатлен момент, когда коллекция создавалась — период с февраля 1742 г., когда Берхголец в составе свиты

14-летнего племянника новой императрицы Петра Федоровича, будущего несчастного императора Петра III, вторично, после почти 15-летнего перерыва, прибыл в Россию из Голштинии, до мая 1746 года, когда его тот же великий князь Пётр Федорович выслал из страны.

Надпись на чертеже, изображающем дом Миниха на Васильевском острове, сведений о ссылке Миниха не содержит, а чертеж дома вице-канцлера Михаила Головкина снабжен упоминанием такой подробности: «где он жил и был арестован». В надписи на одном чертеже говорится о «доме обер-егермейстера Волынского», на другом Волынский именуется уже «несчастливым кабинет-министром». На одном из чертежей упоминается «несчастный» Еропкин — архитектор, казненный летом 1740 года вместе с Волынским. Так в коллекцию архитектурных чертежей «вторгаются» события политической истории того времени, когда эта коллекция создавалась.

Есть в надписях на чертежах подробности примечательные. Одна сообщает, что «Оперный дом» перестроен «при царице Елизавете» из манежа «курляндского герцога» (Бирона); купец Панков именуется то «Федором Филимоновичем», то «Михаилом Ларионовичем», а другой — просто «Федором Филимоновичем», без фамилии.

Повторимся: чертежи «коллекции Берхгольца», безусловно, копии. Но с чего, с каких оригиналов, до нас не дошедших? И где в Петербурге эти оригиналы находились? Это тоже «загадки» замечательной коллекции.

Считается, что большинство чертежей — обмерные, дающие точное изображение существующих строений, но есть среди них и проектные. Местом, где такие чертежи могли быть сосредоточены, являлись или Комиссия о Санкт-Петербургском строении, решавшая, как мы знаем из недавнего очерка, общие, генеральные вопросы планировки и застройки города, или Главная полиция, в ведении которой были все вопросы, связанные с частновладельческой застройкой и где могли храниться чертежи частных домов. Но ни одно из этих учреждений не ведало дворцовыми постройками в Петербурге и его пригородах — откуда же тогда обилие в составе коллекции «дворцовых» сюжетов?

Учреждения, где могло быть сосредоточено все разнообразие «архитектурных сюжетов», представленных в коллекции, в Петербурге просто не существовало. И есть основания предположить, что Берхголец, «озадачивший» себя идеей такую коллекцию собрать, сам отбирал (пользуясь своим особым положением в российской столице и имевший обширный круг знакомых и высокопоставленных «патронов») в разных учреждениях интересовавшие его чертежи.

Московские, тверские, тульских сюжеты могли быть извлечены из дел Сената. А вот как и откуда в коллекцию попал тематически для нее чужой, но, видимо, весьма интересовавший Берхгольца в «другом плане» чертеж, на котором мы видим «план тюрьмы бывшего герцога Берона в Пелыме в Сибири»?

Предположение, что Берхголец как-то «подхватил» часть архитектурного архива казенного Петра Еропкина, представляется маловероятным: вряд ли бы у Еропкина такой богатейший и разнообразный по составу архив; да и почти двухлетний промежуток времени между казнью Еропкина и прибытием в Россию Берхгольца — тоже препятствие.

Столь же маловероятным кажется и версия о том, что чертежи копировались кем-то из еще проживавших в Петербурге пленных шведов. Вероятно, исполнителем был кто-то из многочисленных «архитекторских помощников» или учеников, находившихся тогда в столице. Берхгольц им заказывал — безусловно, открыто, «легально» — исполнение этих копий, уплачивая за работу деньги. Так на протяжении четырех лет и сложилась уникальная «Стокгольмская коллекция».

Ее собрание свидетельствует об исключительном интересе Фридриха-Вельгельма Берхгольца к России и особенно к Петербургу. В стране этой и в этом городе он бывал не однажды. Впервые сын голштинского дворянина попал сюда 13–14-летнем мальчиком. Пребывание это было непродолжительным — в отличие от второго, растянувшегося на шесть лет — с июня 1721 до июля 1727 года. На этот раз Берхгольц приезжал в Россию в придворной должности камер-юнкера голштинского принца Карла-Фридриха, сватавшегося за старшую дочь Петра Анну Петровну и здесь, в Петербурге, женившегося на ней. Молодой Берхгольц (они с принцем были ровесники, оба родились в 1700 г.) проявил широту познаний, огромную начитанность, исключительную наблюдательность и цепкую память. Он изо дня в день вел дневник, рукопись которого уже после его смерти (он умер в Висмаре в 1771 году) попала к известному немецкому публицисту и издателю Антону-Фридриху Бюшенгу (долгие годы служившему пастором лютеранской церкви в Петербурге), который и опубликовал ее в своем ежегоднике, издававшемся в Галле в 1785–1788 годы.

«Дневник камер-юнкера Берхгольца» и поныне является одним из самых ценных для нас источников по истории Петербурга петровской эпохи. А сам автор его продолжал придворную службу в Голштинии, перейдя после смерти герцога Карла-Фридриха в 1739 году в штат его сына, будущего русского императора Петра III — тогда еще 11-летнего мальчика.

С великим князем Петром Федоровичем в должности его обер-камергера Берхгольц вновь приехал в Россию в феврале 1742 года и прожил в Петербурге следующие четыре года. Всего на российской земле — и в основном в Петербурге — он прожил десять лет.

Весной 1746 года между Берхгольцем и 18-летним великим князем произошел разрыв, имевший и политическую, и личную подоплеку. Берхгольц покинул Петербург: назначенная ему, генерал-лейтенанту русской службы и кавалеру орденов Александра Невского и Святой Анны пенсия (две с половиной тысячи рублей в год) выплачивалась неаккуратно — он тихо и одиноко жил в своем Висмаре, храня бесценные сокровища — рукопись своего удивительного дневника и огромную коллекцию уникальных чертежей российских городов.

Его имя не включено в подробнейшие, многотомные справочники о немецких писателях и ученых. Но его наследство для истории России, для истории Петербурга — поистине бесценно. Он был одним из тех иностранцев, которые, приезжая в Россию, «прикипали душой» к этой стране, к юному, такому необычному и такому прекрасному городу, который был новой столицей этой страны.

